

СТАТЬИ

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯН В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

А. Удальцов

В последнее время проблема происхождения славян, главным образом в свете археологических данных, усиленно обсуждалась в советской и зарубежной славянской литературе. Необходимо подвести итоги этому обсуждению.

Исследование актуальной для всех славянских народов проблемы их собственного происхождения велось до сих пор разобщённо учёными отдельных славянских стран, часто на различном, ограниченно местном материале, притом различными методами исследования. Западнославянским учёным, например, оставались до последнего времени почти вовсе неизвестны значительные успехи, достигнутые у нас в советский период в области археологии, лингвистики, антропологии и этнографии, развивавшихся на основе марксизма-ленинизма, успехи, сильно продвинувшие вперёд разрешение проблемы происхождения славянских и других народов. В свою очередь, многие достижения западославянской и южнославянской науки последних лет оставались долгое время не известны или мало доступны советским исследователям.

Расхождение во мнениях сводится в основном к тому, что, в то время как советские исследователи пришли в результате своих работ к признанию автохтонности развития и восточного и западного славянства, большинство представителей польской науки и отчасти чешской до последнего времени вовсе отрицало автохтонность восточного славянства, которое изображалось довольно поздним пришельцем (главным образом с территории довоенной Польши) в места своей исторической жизни. Лишь в самое последнее время наметилась в зарубежной литературе тенденция к смягчению этого основного разногласия¹, а в дальнейшем, будем надеяться, — и к полному его исчезновению.

Настоящая статья ставит своей задачей обосновать, по необходимости в самой краткой форме, ту основную постановку вопроса, намечающуюся в итоге различных новейших исследований, которая могла бы послужить базисом для взаимопонимания и дальнейшей совместной работы учёных славянских стран, направленной к разрешению проблемы происхождения славян.

I

И этническая общность славянских народов и их современное этническое своеобразие явились результатом длительного и сложного исторического процесса, то объединявшего, то разъединявшего в ходе истории на протяжении тысячелетий предков этих народов.

¹ Некоторое стремление смягчить наметившиеся расхождения отчасти замечается, например, в статье Т. Лер-Сплавинского. *Zagadnienie pochodzenia słowian w świetle nauki polskiej i rosyjskiej* («Światowit». Т. XX, стр. 25—28. Warszawa. 1948). Вместе с тем среди чешских исследователей (Эйзнер и др.) намечается в этом вопросе возрождение концепции Л. Нидерле, признававшего «прародиной» славян довольно обширную территорию современных Польши, Украины и Белоруссии (Niederle L. *Rukowet slovanske archeologie*, str. 3—8. Praha. 1931), а следовательно, и автохтонность значительной части восточного славянства.

Обозревая многовековой процесс сложения славянства, мы замечаем в этом процессе ряд стадий. Следуя в ретроспективном порядке, наметим следующие три основные стадии:

1. Стадия, начинающаяся с VI—VII вв. н. э., когда стали уже складываться современные славянские народы, создающие свои первые крупные государственные образования на основе развития классов их противоречий (княжество Само на западе, болгарское государство на юге, прикарпатское княжество на Волыни).

2. Предшествовавшая ей стадия раннего славянства, начавшего складываться в последние столетия (II—I вв.) I тысячелетия до н. э., жившего ещё в патриархально-родовом строе и археологически характеризуемого наличием у раннеславянских племён так называемых «культур полей погребений» (или погребальных урн) или близких к ним культур.

3. Раннеславянской стадии предшествовал период, когда мы ещё не можем говорить о самом славянстве как о сложившейся общности, но лишь об отдельных предках славян, давших в ходе своей истории в результате растущего культурного сближения славянство. Археологически развитие этих племён-предков может быть прослежено по крайней мере до III тысячелетия до нашей эры².

Если история славян с периода великого переселения народов и образования средневековой Европы нам более известна, то предшествовавшая ей история раннеславянских племён («протославяне») изучена очень мало ввиду скудости письменных источников. Мало что знаем мы о венедах, или венедах (Плиний, Тацит, Птолемей), о лугиях (главным образом, Тацит и Птолемей), о спорах (Прокопий), или спалах (Иордан), о склавинах (склавах) и антах. Тем большее значение приобретает для освещения славянского этногенеза археологическое исследование раннеславянских племенных культур полей погребений, охвативших в начале нашей эры обширную территорию: на западе — бассейны Одры и Вислы (главным образом культура ямных погребений, или пшеворская), на юго-востоке — область между Карпатами, Припятью и Средним Днепром (культуры полей погребений Зарубинской и Черняховской стадий развития); на северо-востоке — южную часть Белоруссии и бассейн Верхнего Днепра, Десны и отчасти Верхней Оки (северные культуры полей погребений).

Если вопрос о взаимных связях двух поздних стадий развития славянства — «исторического» славянства и раннего славянства периода полей погребений — почти не возбуждает в настоящее время особых принципиальных споров (требуется лишь всё большее и большее накопление материалов доказательств), то зато вопрос о происхождении самих раннеславянских культур полей погребений на всей очерченной нами огромной территории их распространения наиболее сложен и больше всего вызывает разногласий. Это центральный пункт всей проблемы славянского этногенеза.

II

Современные археологические исследования, проведённые советскими археологами на территории Восточной Европы, всё более обнаруживают, что раннеславянские культуры полей погребений не явились результатом переселения на занятую ими территорию населения из какого-либо одного центра (например, с Припяти, из Прибалтики, из Прикарпатья, из бассейнов Одры, Вислы и т. д.), как думали ранее и до сих пор думают

² Чешский исследователь Я. Филип предлагает следующую периодизацию развития славянства: лужицкий, венедакий и старославянский периоды (Filip J. Pocatky slovenského osídlení v Československu, стр. 74. Praha. 1946). Как увидим далее, подобная периодизация с некоторыми терминологическими изменениями могла бы быть приемлема лишь для этногенеза западных славян.

некоторые исследователи³, но автохтонно развивались здесь из нескольких основных центров, находившихся на той же территории и состоявших между собой в постоянном тесном культурном взаимодействии.

Намечаются следующие основные области сложения раннеславянских культур.

На Западе такой областью являлась, начинаясь от бассейна Одры, восточная часть территории древней лужицкой культуры. Племена этой земледельческой культуры находились на высшей ступени варварства, на стадии патриархально родового строя с нарождавшейся лишь родоплеменной знатью, отнюдь не достигая ещё стадии классового общества с господством в нём обитателей «замков» над остальным земледельческим населением, как это иногда изображается в западнославянской научной литературе. Возникнув в средний период бронзы, лужицкая культура (точнее, племенные культуры лужицкого типа) пережила в дальнейшем ряд стадий и местных вариантов своего развития и распространения вширь. На занимаемой ею в пределах Польши территории известно до 15—16 местных племенных культур: кашубская (позже поморская и оксывская), западнопоморская, хельминско-куявская, западновеликопольская, верхнесилезская с малопольской, затем мазурско-вармийская, восточновеликопольская, центральнопольская, ульвувецкая и тарнобрежская, центральносилезская, висоцкая и ряд других позднейших культур лужицкого типа. При этом эти местные племенные культуры отличались друг от друга и обрядом погребений (трупоположение и трупосожжение, курганы и бескурганые могильники, погребение в ящиках и без них и т. д.) и особенностями материальной культуры (преимущественное развитие металлургии на севере, гончарного дела на юге, крашеная керамика в силезско-познанском варианте и т. д.). В результате длительного и сложного развития этих племён, явившихся частично одними из предков славян, в первую очередь западных, и в результате их взаимных скрещений образовалась к концу I тысячелетия до н. э. (II—I вв.)⁴, главным образом на территории Польши, совокупность раннеславянских племён с так называемой пшеворской культурой (ямных погребений), которые античные писатели I—II вв. н. э. (Тацит и Птолемей) объединяют общим названием лугиев. Название это сохранилось впоследствии лишь в наименовании позднейшего западнославянского племенного объединения лужичан, занимавших более ограниченную, притом расположенную далее к западу территорию. На севере, в области Поморья, складывается родственная пшеворской культуре оксывская, также возникшая на основе развития древнелужицкой культуры и отличавшаяся совершенством своих металлических изделий. Население этой приморской территории античные авторы называют ругиями. Топонимика области лугийских племён, равно как отчасти и их этнонимика, сообщаемые Тацитом и Птолемеем, убеждают нас, что в лице лугиев перед нами уже сложившаяся раннеславянская народность, автохтонный элемент образования значительной части позднейших западных славян⁵.

Что касается самой лужицкой культуры в целом на всей территории её распространения и на всех стадиях её развития, то она не является этнически однородной. В своём дальнейшем развитии она дала начало не только западной раннеславянской культуре, но и вошла в своих более

³ См. указанную выше статью Лер-Сплавинского в «Святовите» (т. XX, стр. 25—36), где он излагает современные воззрения польских учёных на происхождение славян.

⁴ Ср. Nosek St. *Kultura grobów skrzynkowych i podkloszowych w Polsce południowo-zachodniej*, стр. 44—46. Krakow, 1946. Автор оспаривает мнение Петерсена, который относит начало пшеворской культуры к более раннему времени (Peter sen. *Die frühgermanische Kultur in Ostdeutschland und Polen*, «Vorgeschichtliche Forschungen». Bd. II, Heft 2. Berlin. 1929).

⁵ Большинство польских исследователей справедливо считает в настоящее время лугиев ранними славянами, но отводит им незначительную территорию, называя пшеворскую и оксывскую культуры общим именем венедской культуры.

западных и более южных областях в состав слагавшихся в течение I тысячелетия до н. э. германских, кельтских и иллирийских племенных культур, которые в своём последующем развитии были тесно связаны с иными, неславянскими центрами индоевропейского этногенеза, исключая иллирийцев, в своём позднейшем развитии связанных в значительной части со славянами. Нельзя поэтому лужицкую культуру в целом считать уже сложившейся протославянской культурой: лишь часть племён с культурами лужицкого типа в своём длительном этнокультурном развитии дала в дальнейшем племена ранних славян западной ветви⁶.

Итак, раннее славянство на Западе имеет свои корни в местных племенах своих предков, носителей восточнолужицких культур. Такое же в основе своей автохтонное развитие раннеславянских племён намечается современной археологией и на востоке территории распространения культур типа полей погребений.

Обширная юго-восточная область культур полей погребений (между Карпатами, Припятью и Средним Днестром, включая и его левый берег) также имела своё автохтонное развитие. Материальная культура раннеславянского населения этой области на более ранней стадии своего развития (типа Корчоватое, или Зарубинцы, на Среднем Днестре) связывается путём непосредственных переходов с предшествовавшей ей культурой земледельческих автохтонных «скифских» (сколотских) племён лесостепи⁷ (в первую голову среднеднепровских «скифов пахарей» Геродота), которые отличались в этническом отношении от пришлых из Средней Азии скотоводческих кочевых скифо-сакских племён степей Северного Причерноморья. Возникая ещё в недрах скифо-сколотского общества, основные элементы культуры типа полей погребений постепенно сложились ко II—I вв. до н. э. в новую материальную культуру ранних славян⁸ одновременно с образованием на западе культуры ямных погребений (пшеворской).

Скифские легенды (Геродот) говорят о родстве скифов-сколотов и северных фракийцев (агатирсов); поля погребений были известны и в Дакнии. В дальнейшем складывание раннеславянских племён оказывало несомненное влияние и на развитие севернофракийских племён, даков и гетов, этнически сближавшихся со славянами. Этому содействовали и обширные военные союзы этих племён при Бурвисте (Бойребисте) и Декебале (I в. до н. э. — начало II в. н. э.), простиравшиеся до Богемии и включавшие в свой состав и прикарпатских предков славян.

Менее изучен процесс возникновения северных культур полей погребений (так называемых «миниатюрных») в полосе, идущей, повидимому, от Средней Вислы до бассейнов Десны и Верхней Оки. Соответствующие археологические исследования здесь ещё только начаты⁹. Именно с этой полосой связаны, повидимому, сохранённые Геродотом старинные легенды о неврах¹⁰; позднейшие античные авторы (Плиний, Тацит, Пто-

⁶ Проф. Ян Филип, обосновывая славянский характер лужицкой культуры, тем не менее в конце своей указанной выше книги пишет, что отрицание славянства лужицкой культуры не отвергало бы тот факт, что лужицкая культура была основным слагаемым при формировании славян, особенно западных (стр. 75 и 86), и, таким образом, значительно приближается уже к нашей точке зрения.

⁷ Самойловский И. Корчоватский могильник. «Археология». Изд. Института археологии Украинской Академии наук, стр. 101—109. Киев. 1947.

⁸ Обозначение автохтонных скифских племён, переданное нам Геродотом, как их самоназвание «сколоты», могло, по мнению Н. Я. Марра, позже, на следующей стадии их развития, дать начало наименованию «склавы», или «склавины» («сколо» перешло в «скла»; суффиксы изменились).

⁹ Третьяков П. Некоторые вопросы этногонии восточного славянства. («Краткие сообщения ИИМК». Вып. IV. 1940); его же. Северные восточнославянские племена («Материалы и исследования по археологии СССР» № 6 за 1941 год, «Этногенез восточных славян». Т. I, стр. 13—16); его же. Восточнославянские племена, стр. 47—49. 1948.

¹⁰ Гипотеза Козловского («Zarys pradziejów Polski południowo-wschodniej», стр. 78—79. Lwów. 1939) о принадлежности неврам так называемой лужицкой культу-

2. «Вопросы истории» № 2

лемей) указывают на пребывание здесь, к востоку от Вислы, венетов (венедов). В названии самого восточного из позднейших славянских племён на этой полосе — вятичей — видят обычно корень древнего названия венеты (вент-ичи). Позже (с VI в.) название венеты получило широкое распространение и на Западе как общее имя всех славян, особенно западных. Топонимика (имена рек) показывает близкое родство этих восточновенетских племён с лугийскими племенами бассейнов рек Одры и Вислы.

Вместе с тем данные лингвистики, в том числе и топонимика, указывают на близкое родство восточновенетских предков славян с предками балтийских племён (древние пруссы, литовцы, латвийцы), которые в древнейшие времена также, повидимому, назывались венетами. Можно предполагать, что на более ранних стадиях развития обеих народностей эта этническая связь была особенно тесной, постепенно ослабевая с дальнейшим ходом истории, когда усилившиеся связи с раннеславянским Заприпятьем оторвали формирующихся здесь славян от балтийцев. Можно также предполагать с достаточной долей вероятности, что и на данной территории раннеславянские племена, как и близкие им раннебалтийские, развивались в основном автохтонно, хотя связи с Западом, главным образом с Прибалтикой, были здесь особенно сильны.

Своеобразным было развитие племён, расположенных к северу от этой области, в бассейне Верхней Западной Двины, в Приильменье и в западной части междуречья Верхней Волги и Оки. Здесь славянские племена (впоследствии кривичи, частью вятичи и, вероятно, приильменские словене) к V—VI вв. н. э. развивались на основе западной части племён так называемых «дьяковых городищ» (с текстильной или сетчатой керамикой), известных здесь почти с первых веков I тысячелетия до нашей эры. Это скотоводческо-земледельческие племена, строившие преимущественно наземные жилища и жившие большей частью в укрепленных поселениях патриархально-родовым строем. Из более поздних городищ этого типа наиболее изучено городище у д. Березняки на р. Сонохте, в Ярославской области (IV—V вв. н. э.)¹¹. Проводившиеся за последние годы исследования ранних городищ¹² показывают, что материальная культура этих городищ развилась непосредственно из культуры местных рыболовно-охотничьих племён позднего неолита (с ямочно-гребенчатой керамикой), переходивших к земледелию и скрестившихся, как можно предполагать, со скотоводческими племенами фатьяновской культуры, тесно связанной с культурами Среднего Поднепровья времени ранней бронзы.

На очереди стоит изучение той стадии развития местного населения, которая связана была с погребениями в так называемых длинных курганах, в сопках и в курганах с деревянными камерами, и сыграла, вероятно, роль переходной к историческим славянам (кривичам, новгородским словенам и вятичам) аналогично южным культурам полей погребений, только на несколько столетий позже¹³.

Таков в основном многообразный (гетерогенный) путь развития, который прошли непосредственные предки ранних славян к началу обра-

ры» не имеет под собой достаточных научных оснований. См. статью Смишко М. Доба поховань в західних областях УРСР («Археологія». Т. II, стр. 100—101. 1948). У нас эту гипотезу поддерживает М. И. Артамонов. Венеды, невры и будины в славянском этногенезе. («Вестник Ленинградского университета» № 2 за 1946 г., стр. 76—78).

¹¹ Третьяков П. К истории племён Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. «Материалы и исследования по археологии СССР» № 5 за 1941 год. Гл. III, стр. 51—68.

¹² Егоров Е. Древнейшие городища Верхнего Поволжья. «Советская археология» за 1947 год. Т. IX, стр. 76—77.

¹³ Егоров Е. Северные восточнославянские племена («Материалы и исследования по археологии СССР» № 6 за 1941 г., стр. 37—51); Чернягин. Длинные курганы и сопки (там же, стр. 93—148).

зования славянской общности, археологически выраженной в широком распространении на раннеславянской территории земледельческих культур полей погребений. Они образовали на этой стадии своего развития несколько своеобразных, но близко родственных племенных групп, названия которых частично нам известны: в основном это лугийские племена на западе (которые могли бы также, по аналогии с их восточными соседями, называться западновенетскими), затем восточные венеты на востоке от Вислы, и, наконец, сколотские, позднее склавинские, племена на юго-востоке. Временами у античных авторов появляются ещё названия споров (Прокопий), или спалов (Иордан), а позже антов, применявшиеся к обширным раннеславянским объединениям, как надо думать, типа военно-племенных союзов.

Таковы основные линии развития славянских племён, осложнявшегося в ряде случаев отдельными побочными явлениями включения в основной процесс и других этнических групп. Можно предполагать, например, что в процесс этногенеза некоторых восточнославянских племён на юге внесли свой вклад и отдельные сарматские племена, особенно роксоланы, игравшие весьма значительную роль в жизни племён Северного Причерноморья в последние столетия до н. э. и позже.

Итак, конец I тысячелетия до н. э. (II—I вв.) мы можем и на западе и на востоке от Вислы считать началом образования раннего славянства¹⁴. Общественно-исторические корни этого процесса во всей их конкретности должны быть ещё нами изучены.

III

Идя далее в глубь веков, во II и III тысячелетия до н. э., в поисках древнейших предков славян, мы наталкиваемся в литературе вопроса на особое разнообразие и столкновение мнений. Именно в этой области до сих пор живы некоторые «теории», которые высказывались представителями немецкой националистической, фальсификаторской школы в истории и археологии, возглавлявшейся Коссинной и Шухардтом, «теории», подхваченные затем немецким фашизмом для мнимого «обоснования» идеи об особом «арийстве» немцев, об их якобы превосходстве над другими народами мира, об их предназначении в силу этого превосходства к господству над миром.

Была создана «теория» о мнимой «прародине» всех индоевропейцев («индогерманцев») в пределах общегерманской родины — или в Скандинавии, или в Средней Германии, в Тюрингии. Отсюда якобы вышли праиндоевропейцы в лице носителей культуры «шнуровой керамики» и последующих миграционных волн. Расселяясь на обширных территориях Европы и Азии, они-то якобы и дали начало разнообразным индоевропейским народам в результате своего смешения с различным местным этническим «субстратом».

Согласно этой концепции, славянство (первоначально протобалтославянство) образовалось в результате нескольких последующих праиндоевропейских миграций и смешений пришельцев с местным этническим «субстратом» в лице главным образом племён с культурой гребенчатой керамики, как при этом предполагается, праугрофинского происхождения¹⁵.

¹⁴ Проф. В. Мавродин в своей книге «Образование древнерусского государства» произвольно относит возникновение на Украине культуры полей погребений лишь к началу нашей эры (стр. 18), позже, чем на западе, в районах древней лужицкой культуры. Такое утверждение, как мы видели выше (см. указанные выше статьи Самойловского и Смишко, а также книгу польского профессора Носека), расходится с современными данными археологии и способно лишь ввести в заблуждение западнославянских исследователей.

¹⁵ Почти так же изображает первоначальную стадию образования («кристаллизацию») славянства и проф. Лер-Славинский в статье «О pochodzeniu i praojcziznie slowian», стр. 92—99. 134—138. Poznan. 1946).

Советская наука в корне отвергает эти концепции² не только ввиду пропитывающего их немецкого шовинизма, но и в силу их научной несостоятельности.

Советская археология за последние годы приводит всё больше фактов в пользу генетической связи земледельческих скифо-сколотских культур (связанных, как указывалось выше, с позднейшими местными, раннеславянскими культурами полей погребений), через ряд промежуточных культур периода бронзы, с трипольской культурой, ярко расцветшей в III тысячелетии до н. э. на территории современной Правобережной Украины. К концу III и началу II тысячелетия во многих местах, особенно на окраинах территории раннеземледельческой трипольской культуры, например, Городок — на севере, Усатово — на юге, получает сильное развитие скотоводство¹⁶ и наблюдается переход от существовавших до того в трипольской культуре матриархально-родовых отношений к патриархально-родовому строю. Население территории, занятой ранее трипольской культурой, знакомится с металлами (медь, бронза), получающими всё большее распространение. В области керамики наблюдается непосредственный постепенный переход от крашеной керамики Триполья к керамике шнуровой (верёвочной) и иной, разнообразно штампованной, к сосудам в виде шаровидных амфор и т. д. Прежние большие родовые дома периода Триполья заменяются небольшими домами односемейного типа. Эти изменения во всём общественном быту совершаются не в силу каких-либо миграций нового населения извне, но в результате внутреннего развития местных племён на основе изменения у них производительных сил и их производственных отношений.

Метод объяснения изменений в общественной жизни, смены одних культур другими, прежде всего миграциями извне, оказывается в связи с успехами археологической науки всё более несостоятельным. Всё говорит за то, что такой же процесс смены культур при переходе от III ко II тысячелетию до н. э. имел место и в Средней Европе. Происхождение различных явившихся предками славян раннеиндоевропейских племён и их материальных культур всецело может быть выведено из местных этнокультурных корней на основе более глубокого изучения местного археологического материала¹⁷.

Самая культура шнуровой керамики не составляла единого, однородного целого, связанного с одними лишь индоевропейцами; в ряде мест Восточной Европы (Северный Кавказ, Поволжье и т. п.) местные культуры шнуровой керамики связаны с племенами неиндоевропейского типа. Все эти культуры шнуровой керамики, распространённые на огромной территории, имели местное (гетерогенное) происхождение, которое может быть объяснено местными условиями общественного развития отдельных племенных групп различного этнического характера. Миф о праиндоевропейской экспансии людей шнуровой керамики (как и иных племён) из Германии должен быть окончательно отброшен.

Таким же несостоятельным оказывается и предположение об этнической однородности позднеолитической культуры ямочно-гребенчатой керамики на всей огромной территории от Урала до Одры. Советская археология установила в лесной зоне обитания рыболовно-охотничьих племён Восточной Европы целый ряд разнообразных местных племенных

¹⁶ Пассек Т. К вопросу о среднеднепровской культуре («Краткие сообщения ИИМК» за 1947 год. Вып. XVI); её же. К вопросу о древнейшем населении Днепровско-Днестровского бассейна («Советская этнография» за 1947 г., №№ VI—VII).

¹⁷ Попытку такого обобщающего исследования для Средней Европы делает проф. М. И. Артамонов в своей статье Археологические теории происхождения индоевропейцев в свете учения Н. Я. Марра («Вестник Ленинградского университета» № 2 за 1947 г., стр. 81—106). Ранее к подобным же выводам пришёл покойный Е. Ю. Кричевский. Мезолит и неолит Европы («Краткие сообщения ИИМК», IV, 1940); его же. Индогерманский вопрос, археологически разрешённый («Известия ГАИМК» за 1933 год. Вып. 100-й).

культуры: карельскую, беломорскую, каргопольскую, печорскую, шигирскую, льяловскую, балахнинскую, волосовскую, рязанскую, белёвскую и др.¹⁸ — давших в последующем своё развитие начало культурам различного этнического характера, а не только культурам предков угрофинских племён.

IV

Развитие указанных выше основных центров славянского этногенеза (лугийско-венетского, сколото-склавиного, восточновенетского, западной части территории племён дьяковой культуры и др.) проходило не изолированно друг от друга, но на основе тесного культурного взаимодействия, приведшего в результате к образованию славянской культурной общности. Так, несомненно взаимодействие лужицкой и скифо-склотской культур, давшее, например, образование местной высококой культуры смешанного лужицко-скифского типа; несомненно и воздействие племён той же лужицкой культуры на эволюцию племён восточно-венетской области, например, в период неврского движения на восток (VI в. до н. э.), о котором говорит нам Геродот. Внутри самой территории лужицкой культуры имели место передвижения отдельных племенных групп (например, распространение поморской культуры к югу) и последующие культурные скрещения (образование в результате таких скрещений ко II—I вв. до н. э. ямной культуры раннеславянского типа). Не подлежит сомнению тесная взаимная связь между восточными культурными центрами (склотского, восточновенетского и «дьяковского»), приведшая к оформлению восточного славянства; наблюдаются здесь и передвижения населения то с юга на север, то обратно, с севера на юг, особенно в период великого переселения народов. Кроме того образование в борьбе с внешними врагами (например, с готами) обширных военных многоплеменных союзов раннего славянства (например, анты на юге), как и взаимные частые сношения разного рода, также содействовали консолидации восточного славянства. В свою очередь слагавшееся восточное славянство приняло некоторое участие в окончательном оформлении западного (особенно полабского) славянства в период совместного наступления части племён западной (лугийской) и восточной (восточновенетской, например, вельты) группы ранних славян на запад, в бассейн Лабы (Эльба) на смену уходящим под их натиском к границам Римской империи восточногерманским племенам. Об обстоятельствах ухода восточногерманских племён, частично продвинувшихся было ко II в. н. э. (Птолемей) на Варту и Вислу (готы, бургунды, вандалы), довольно отчётливо говорят нам письменные источники. Позднеримский историк Юлий Капитолин¹⁹ в своей биографии Марка Аврелия Философа говорит, что ряд германских племён, принимавших участие в так называемой маркоманской войне (166—180 гг. н. э.) — в первую голову это могло относиться к свевам и вандалам, — пришли к Дунаю, будучи изгнаны из мест своего обитания «северными варварами» (a superioribus barbaris). Очевидно, в это время на севере, на Висле и Одре происходили крупные военные столкновения, приведшие к уходу отсюда восточных германцев — не одних только свевов и вандалов, но и готов и бургундов. Всё это предполагает ответное наступление на запад, в которое включилась ближайшая к ним часть восточновенетских племенных групп (в частности, вельтов Птолемея, название которых впоследствии перешло к лютичской группе полаб-

¹⁸ Фосс М. Неолитические культуры севера европейской части СССР («Советская археология» за 1947 г. Т. IX); её же. Культурные связи севера Восточной Европы во II тысячелетии до н. э. («Советская этнография» за 1948 г. № 4, стр. 23—35); Брюсов А. Белёвская неолитическая культура («Краткие сообщения ИИМК» за 1947 год. Т. XVI).

¹⁹ Его сообщения о маркоманской войне основаны, видимо, на надёжном источнике и заслуживают доверия.

ских племён — велетам) лугийских племён (давших своё название лужицкой группе полабских славян), объединявшихся в ходе движения в военно-племенные союзы, которые положили позднее начало племенным объединениям западного славянства, в частности полабского. О сильном напоре на запад со стороны этих военно-племенных раннеславянских групп говорит и тот факт, что, например, семноны (жившие в позднейшем Бранденбурге) ушли несколько позже из своей старинной родины не на юг, а на запад, за Эльбу — Лабу, как бы отступая перед раннеславянским наступлением²⁰.

Образование южного (балканского) славянства явилось результатом, с одной стороны, давнего процесса сближения фракийских (особенно в Дакии до её романизации) и иллирийских автохтонных племён со складывавшимися к северу от них, за Дунаем и Карпатами, ранними славянами, с другой стороны, процесса проникновения из-за Дуная (особенно, вероятно, с III века н. э.) отдельных частей раннего славянства (склавинов и антов) на Балканский полуостров. В ходе последовавшего скрещения и возникло южное славянство²¹.

Вероятно, нечто подобное имело место и в Чехословакии, где сохранившиеся в северных частях страны потомки племён старинной лужицкой культуры слились с пришедшими из Прикарпатья раннеславянскими племенами (хорваты, дудлебы и др.).

V

До сих пор мы рассматривали процесс происхождения славян главным образом на основании материалов археологии, привлекая в первую очередь факты истории материальной культуры. Мы видели, как отдельные племена и их группы образовывали более крупные этнические объединения, в дальнейшем в свою очередь сливаясь в ещё более мощные этнические общности и давая в конце концов славянство, которое, как уже указывалось ранее, явилось результатом длительного и сложного исторического процесса, проходившего ряд стадий на основе всё более прогрессирующего развития общественных производительных сил и производственных отношений.

Только таким же путём на основе того же процесса, могло идти и развитие языка, одного из главнейших элементов человеческой культуры. В языковом отношении процесс происхождения славян, очевидно, также в основном шёл в виде скрещения ряда всё более сближавшихся племенных языков предков славян на основе стадияльного развития их общественной жизни. Как и в области материальной культуры, раннеславянская общность в отношении языка — при наличии отдельных местных, близких друг другу языков и диалектов — устанавливается, надо полагать, в последние столетия до нашей эры, давая в дальнейшем своём сложном историческом развитии, отчасти нами уже прослеженном, средневековые, а затем и современные языки славянских народов в их общности и в их своеобразии.

Согласно учению гениального советского лингвиста Н. Я. Марра, все индоевропейские языки, в том числе и славянские, представляют со-

²⁰ Археологически такое движение ранних славян на запад усматривается, например, в Чехии, где раннеславянские погребения с трупосожжением, с урнами «пражского» типа появляются уже в IV в. (по другому мнению, в VI в.).

²¹ Третьяков П. Восточнославянские черты в быту населения придунайской Болгарии («Советская этнография» № 2 за 1948 год). Об участии в сложении южного славянства автохтонного иллирофранкского населения см. Державин Н. История Болгарии. Т. I, гл. I. «Происхождение южных славян», стр. 36—89. 1945. Специально о происхождении болгарского народа см. статью болгарского профессора Бурмова. Към въпроса за произхода на прабългарите («Известия на българското историческо дружество». Кн. XXII—XXIII. София. 1948) Основные положения этой статьи требуют, однако, дальнейшего развития и обоснования.

бой лишь определённую стадию в языковом развитии группы племён и народов, проходивших сходные пути культурной истории. Индоевропейские языки, согласно этому учению, являются продуктом долгого и сложного исторического процесса, охватывавшего ряд племён, разновремененно достигающих этой стадии, а не результатом эволюции искомого единого «праязыка», распадающегося в дальнейшем на ряд родственных языков, всё более дифференцирующихся.

Раннему индоевропейскому периоду истории предков славян предшествовала доиндоевропейская (по учению Н. Я. Марра, яфетическая) стадия их языкового развития²². Можно думать, в эту раннюю, индоевропейскую стадию языкового развития племена предков славян вступили в эпоху ранней бронзы (начало II тысячелетия до н. э.), развивая далее свои племенные языки в сторону образования раннеславянской языковой общности к последним столетиям I тысячелетия до нашей эры.

Такое представление о развитии славянских народов и языков в корне отвергает старые гипотезы о славянских «пранароде» и «праязыке», путём прогрессирующего дробления которых образовались якобы современные славянские языки и народы. Процесс, как и всюду, шёл в основном от языковой и племенной множественности ко всё большему единству, к общности, хотя в качестве вторичных процессов могли иметь место и явления дифференциации уже сложившихся ранее более крупных этнических образований²³.

Можно думать, что наибольшей языковой общности славянские племена достигли в период великого переселения народов (IV—VII вв. н. э.) и в ближайшие к нему столетия (до XI в.); дальнейшие исторические судьбы не способствовали сохранению отдельными славянскими народами такой языковой и общекультурной близости.

В связи с подобного рода сложностью процессов этногенеза любых народов всякое предположение о расовой чистоте и однородности племён и народов отпадает. Однако в современной зарубежной научной литературе до сих пор ещё чувствуются пережитки культа пресловутой «нордической» расы, превознесённой в своё время немецкими националистами, а затем фашистами в качестве якобы наиболее физически и психически совершенной и потому предназначенной к господству над «неполноценными» расами.

Славянство, как и другие народности, оказывается, сложного расового происхождения; у его отдельных племён и народов наблюдается в этом отношении значительное разнообразие. Можно лишь утверждать, что в антропологическом отношении славянские народы в основе своей развились на очерченной нами обширной территории из скрещения нескольких европеидных физических типов и лишь впоследствии, особенно в своём позднейшем (уже в исторические времена) продвижении на восток и север, скрещивались с монголоидными элементами местного населения (субуральского, или сублапоноидного, типа)²⁴. Более углублённое разрешение относящихся сюда вопросов ждёт своего исследователя.

Ценный вклад в дело изучения проблемы происхождения славян может дать топонимика. Однако выводы отдельных авторов в этой обла-

²² См. особенно Марр Н. Индоевропейские языки Средиземноморья. Доклад Академии наук СССР 21 ноября 1923 года. Избранные работы. Т. I, стр. 185—186 1933.

²³ Удадьцов А. Теоретические основы этногенетических исследований («Известия отделения истории и философии Академии наук СССР» № 6 за 1944 год).

²⁴ Трофимова Т. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии («Советская этнография» № 1 за 1946 г.); её же. Краниологические данные к этногенезу западных славян («Советская этнография» № 2 за 1948 г.); Дебец Г. Палеоантропология СССР («Труды» Института этнографии Академии наук СССР. Т. 4. 1948 г.).

сти часто страдают субъективизмом и произвольностью²⁵. Топонимические исследования ещё не стали на прочные, объективно-научные основы.

Много ценного могут дать для этногенетических исследований относящиеся к раннеисторическим периодам письменные источники, к сожалению, немногочисленные (Геродот, Страбон, Плиний, Тацит и др.). Между тем методика сопоставлений и сближений археологических «культур» и известных нам из письменных источников племенных образований в настоящее время в достаточной мере также ещё не разработана.

В связи с успехами археологического изучения этногенетических проблем в последнее время намечается некоторая недооценка самостоятельного значения письменно-исторических данных для этногенетического исследования. Свидетельства письменных источников в ряде случаев привлекаются к выводам, заранее полученным на одном лишь археологическом материале, взятые притом весьма произвольно, отрывочно, лишь как добавочный, чисто иллюстративный элемент к основному построению, без учёта всей совокупности данных исторической географии (особенно этногеографии). Здоровое, критическое отношение к так называемому «наивному автохтонизму» XIX в., связанному с некритической, произвольной интерпретацией древних писателей и наивной этимологизацией сообщаемых ими этнических и географических названий²⁶, перерастая, однако, в гиперкритику, может стать в этом случае явлением отрицательным, привести к своего рода «историческому нигилизму». Только исследование, основанное в равной мере на анализе всех видов источников: археологических, лингвистических, антропологических, этнографических и письменно-исторических, может дать естественные обоснованные, а потому и научно-объективные выводы.

VI

Выше нами дана в основных чертах построенная на современных археологических данных картина образования раннего славянства²⁷, развившегося затем к VI—VII вв. н. э. в «историческое» славянство с классовым строем и первыми государственным образованиями.

Многое в этой картине требует ещё дальнейших исследований, дальнейшего обоснования, а возможно, и исправления. В этом отношении перед советской археологией стоят непосредственно следующие важнейшие исследовательские задачи: 1. Необходимо дальнейшее исследование скифских (сколотских) племенных культур и их перерастания в раннеславянские культуры «полей погребений». 2. Исследование самих культур типа «полей погребений» на Украине и в Закарпатской Руси (проблема их возникновения и развития на западе Украины, в Закарпатье и в Среднем Поднпровье, их отношения к культурам лужицкого типа и к северо-фракийским). 3. Изучение северных («миниатюрных») полей погребений в Белоруссии и на Верхнем Днепре (проблема взаимосвязей с лужицкими культурами, особенно привислянскими, на западе и с культурами «полей погребений» Украины, а также проблема ранних взаимоотношений местного населения с балтийскими племенами). 4. Исследование племенных культур с так называемыми «длинными» курганами и подобных им культур на территории между Чудским озером и рекой Великой на западе и Верхней Волгой на востоке

²⁵ В известной мере это можно сказать и о разделе III, посвящённом топонимике, в книге проф. Лер-Сплавинского *O pochodzeniu i praocjiznie slowian*, стр. 53—91, 1946. Самая этническая классификация географических названий недостаточно им обоснована, хотя в книге и приводится много ценного материала.

²⁶ Lehr Sławiniński T. *Zagadnienie pochodzenia slowian w swietle nauki polskiej i rosyjskiej* («Swiatowit». Т. XX, стр. 25. Warszawa, 1948).

²⁷ Картина происхождения славян в свете главным образом критически проверенных письменных источников, но с учётом и археологического материала дана мной в сжатом очерке «Происхождение славян» («Вопросы истории» № 7 за 1947 г.).

проблема хронологии, взаимоотношений этих культур с культурами протобалтийцев и родственных связей последних с ранними славянами; дальнейшее развитие здесь племён северовосточных славян). 5. Изучение генезиса культур «дыякова типа» и их связей с Поднепровьем, а также поздних стадий развития западной части культур этого типа (проблема их взаимоотношений с культурами «длинных» и «круглых» курганов и сопок). 6. Изучение процесса перехода раннеславянских племенных культур в позднейшие племенные культуры славян «Повести временных лет» (проблема антов и Руси). 7. Дальнейшее палеоантропологическое исследование населения территории славянского этногенеза. 8. Лингвистические (в частности, топонимические) исследования в свете археологических данных, касающихся территории славянского этногенеза. 9. Дальнейшие исследования исторических источников, характеризующих процесс славянского этногенеза, а равно и относящихся сюда этнографических данных.

Близко соприкасаются с указанными основными задачами следующие, требующие разрешения проблемы:

1. Проблема перехода племенных культур трипольского типа в соответствующие культуры периода бронзы на Украине и затем в раннескифские (сколотские) земледельческие культуры Среднего Поднепровья.
2. Взаимоотношение племенных культур периода бронзы на Украине с долужицкими и лужицкими культурами на западе (особенно в Повислянье) и соответствующими культурами в Восточной Европе (фатьяновская, катакомбная, срубная, киммерийская; изучение последней имеет особое значение).
3. Проблема поздненеолитических культур с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Белоруссии и на Верхнем Днепре и их взаимоотношений с позднейшими раннеславянскими культурами на той же территории, а равно и с культурами областей этногенеза различных угрофинских племён.
4. Изучение сарматских племенных культур (в первую голову роксоланов) и связанных с ними позднемэотийских племенных культур Приазовья (проблема их взаимоотношений с ранними славянами и протоболгарами).
5. Аланская проблема (происхождение и взаимоотношения аланских племён со славянами и хазарами; дальнейшее, более детальное изучение культур салтово-маяцкого типа).
6. Скифско-сарматское царство в Крыму и Боспорское царство, их роль в развитии восточнославянской культуры.
7. Готская проблема и разоблачение немецких фальсификаций в этом вопросе.
8. Дальнейшая критика «норманизма» в свете археологии.

Кроме того для выяснения роли восточнославянских племён в этногенезе южных славян было бы весьма желательно археологическое изучение, совместно с болгарскими учёными, придунайских раннеславянских поселений.

Ряд племенных культур, позже исчезнувших (культуры ленточной керамики, шнуровой, или верёвочной, керамики, ямочно-гребенчатой, тшинецкой культуры, — последняя сыграла значительную роль в сложении лужицкой культуры), охватывал одновременно и территории современной Польши и западные области современных Украины и Белоруссии. Было бы крайне желательно параллельно изучению этих культур польскими археологами на своей территории изучение тех же культур на территории Советского Союза для всестороннего освещения соответствующих проблем.

Таковы важнейшие задачи, стоящие перед советской археологией в деле дальнейшего исследования проблемы происхождения славян.

(проблема хронологии, взаимоотношений этих культур с культурами протобалтийцев и родственных связей последних с ранними славянами; дальнейшее развитие здесь племён северовосточных славян). 5. Изучение генезиса культур «дьякова типа» и их связей с Поднепровьем, а также поздних стадий развития западной части культур этого типа (проблема их взаимоотношений с культурами «длинных» и «круглых» курганов и сопок). 6. Изучение процесса перехода раннеславянских племенных культур в позднейшие племенные культуры славян «Повести временных лет» (проблема антов и Руси). 7. Дальнейшее палеоантропологическое исследование населения территории славянского этногенеза. 8. Лингвистические (в частности, топонимические) исследования в свете археологических данных, касающихся территории славянского этногенеза. 9. Дальнейшие исследования исторических источников, характеризующих процесс славянского этногенеза, а равно и относящихся сюда этнографических данных.

Близко соприкасаются с указанными основными задачами следующие, требующие разрешения проблемы:

1. Проблема перехода племенных культур трипольского типа в соответствующие культуры периода бронзы на Украине и затем в раннескифские (сколотские) земледельческие культуры Среднего Поднепровья.
2. Взаимоотношение племенных культур периода бронзы на Украине с долужицкими и лужицкими культурами на западе (особенно в Повисляньюе) и соответствующими культурами в Восточной Европе (фатьяновская, катакомбная, срубная, киммерийская; изучение последней имеет особое значение).
3. Проблема позднеолитических культур с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Белоруссии и на Верхнем Днепре и их взаимоотношений с позднейшими раннеславянскими культурами на той же территории, а равно и с культурами областей этногенеза различных угрофинских племён.
4. Изучение сарматских племенных культур (в первую голову роксоланов) и связанных с ними позднеэтиийских племенных культур Приазовья (проблема их взаимоотношений с ранними славянами и протоболгарами).
5. Аланская проблема (происхождение и взаимоотношения аланских племён со славянами и хазарами; дальнейшее, более детальное изучение культур салтово-маяцкого типа).
6. Скифско-сарматское царство в Крыму и Боспорское царство, их роль в развитии восточнославянской культуры.
7. Готская проблема и разоблачение немецких фальсификаций в этом вопросе.
8. Дальнейшая критика «норманизма» в свете археологии.

Кроме того для выяснения роли восточнославянских племён в этногенезе южных славян было бы весьма желательно археологическое изучение, совместно с болгарскими учёными, придунайских раннеславянских поселений.

Ряд племенных культур, позже исчезнувших (культуры ленточной керамики, шнуровой, или верёвочной, керамики, ямочно-гребенчатой, тшинецкой культуры, — последняя сыграла значительную роль в сложении лужицкой культуры), охватывал одновременно и территории современной Польши и западные области современных Украины и Белоруссии. Было бы крайне желательно параллельно изучению этих культур польскими археологами на своей территории изучение тех же культур на территории Советского Союза для всестороннего освещения соответствующих проблем.

Таковы важнейшие задачи, стоящие перед советской археологией в деле дальнейшего исследования проблемы происхождения славян.